

“Джентльмены, если мы не будем держаться друг за друга, нам всем предстоит висеть порознь”

Мир диаспоры безбрежен в своем разнообразии. Социолог Георгий ДЕРЛУГЬЯН — социолог весьма известный. Он уроженец Краснодара, выпускник МГУ, имеет научную степень PhD (Doctor of Philosophy) Государственного университета Нью-Йорка, ныне он профессор социологии Северозападного университета (Иллинойс).

Рассуждения Георгия Дерлугьяна, представленные в журнале “Анив”, для вдумчивого читателя, характеризуют Дерлугьяна как блестящего профессионала с весьма широким углом зрения — такого, каких нам в Армении часто не хватает. Между тем именно подобный взгляд на мир и уроки истории могут помочь объединению и организации армянства — включая, разумеется, диаспору, — помогут разобраться во многих нелегких вопросах.

Если говорят, что народ потребовал, следует спросить: разом весь народ? Кто конкретно стал проводником идей, почему их восприняли, где и как возникает отклик? Либерализм и национализм — конечно, абстракции. Они не работают, не говорят и не ходят сами по себе. Либерализм — это требование ослабления вмешательства государства ради высвобождения чьей-то инициативы. До недавнего времени, до недавнего кризиса, оно использовалось капиталистическими силами, которые хотели бы, чтобы их не сдерживали в поиске возможностей для обогащения и чтобы прибыли оставались у них, а не изымались через налоги. Но, заметим, государство при этом должно обеспечивать то необходимое, что либо слишком дорого, либо не имеет смысла производить частным путем: исполнение законов и безопасность, образованное население, массовое здравоохранение, дороги и прочую инфраструктуру. Как только наступают проблемы на капиталистическом рынке, раздаются требования о государственной помощи. Они нередко оформляются националистически — почему, скажем, китайцы с дешевыми товарами или Россия с дешевым металлом вторгаются на наш американский рынок? Надо защитить отечественного производителя.

Национализм — это идеология защиты своих, по признаку принадлежности к той или иной группе, и недопущения чужих. Недопущения по разным критериям — они молятся по-другому, пахнут по-другому, отбирают у вас рабочие места, вы боитесь за своих детей, выпуская их на улицу. Признаками принадлежности могут быть длительное проживание в стране и язык, но далеко не всегда. В США национализм вынужденно стал гражданским,

потому что собственного языка у страны нет. Мы же эту специфику начинаем воспринимать как некоторую фазу развития, до которой мы еще не дошли. В Соединенных Штатах национальность определялась просто — те, кто смог сюда добраться, стали американцами... Конечно, это не касалось тех, кого привезли в цепях, как рабов, не касалось индейцев, которые и так уже занимали континент, т.е. оформился поселенческий национализм европейских иммигрантов, которые считали своим отличием от Европы не язык и культуру, а некий дух самостоятельности, смекалку и расчетливость крепкого фермера.

У национализма четкая и краткая политическая программа — создание государства, совпадающего с расселением того или иного этноса. В реальности это не всегда удается, точнее — даже редко когда удается. Слишком много исторически наслоившейся чресполосицы, и это практически везде приводило к конфликтам. Демократия, вопреки распространенному виду оптимизма, не сглаживает, а, как правило, воспламеняет национальные конфликты, по крайней мере на первых стадиях и особенно в моменты, когда ослабевает государственный порядок, например, в революциях или проигранных войнах. Демократия предполагает участие населения в избрании политического руководства, распределении налогов, выборе школьных программ, наконец, в мобилизации солдат. Что, всего населения? И вон тех тоже? Да они же не наши. Кого они там выберут, что потребуют преподавать в школе? Увы, на сегодня установленный наукой факт, что геноцид в XX веке нередко связан именно с демократизацией. Это не значит, что самодержавие какого-то царя, султана или генсека лучше. Дело не в желании, в истории зачастую не было такого выбора. Свергали владык, потому что возникали новые исторические силы и связанные с ними конфликты. Вообще, мы только сейчас начинаем четко видеть причины возникновения демократии на Западе, что уж говорить о нашем недавнем прошлом.

Начиная революцию, элиты в Америке и во Франции предполагали провести некие переговоры с королевской властью по поводу более справедливого, более рационального, как им казалось, распределения обязанностей и прав. Мы ведь тоже люди состоятельные, умные и хотим получить доступ к управлению (примерно так же рассуждала интеллигенция в СССР). И вдруг выясняется, что власть-то собирается вас всех посадить и даже перевешать. Приходится идти на военные действия, и у вас нет денег, чтобы набрать обычную армию — до сих пор все армии были наемными. Значит, надо мобилизовать население. Это очень хорошо понял Бенджамин Франклин — он вернулся с переговоров и произнес знаменитую фразу: “Джентльмены, если мы не будем держаться друг за друга, нам всем предстоит висеть порознь”. Пришлось создавать под обещание национального гражданства армию добровольцев, состоящую из фермеров. Вот вам первый успешный сплав либерализма и национализма. У французов та же ситуация — в 1793 году в ответ на иностранную интервенцию создается патриотическая армия, сочиняется “Марсельеза”. Они наносят ответный удар, и эта армия вскоре становится наполеоновской.

К 1848 году казалось, что национализм, как и либерализм, подавлен практически везде, и вдруг все это взрывается. Лучше всего это описывает Хобсбаум в своей книге “Век революций”. Дальше все европейские монархии очень быстро адаптируются и меняют свою официальную идеологию. До этого они были “богом данными”, теперь становится ясно, что старая абсолютистская схема больше не срабатывает, и тогда очень быстро изобретаются национальные традиции. Есть хорошая книга, в которой показано, как в Англии создавался культ королевы Виктории. Раньше монархам не приходило в голову утверждать, что они такого же происхождения, как и подданные, это было даже оскорбительным. Вообще, национализм утверждается еще в Средние века, но это был национализм правящей элиты. Английские рыцари в столетней войне уже чувствуют себя именно английскими рыцарями, но люди из простонародья чувствуют себя местными, “тутэйшымі” (как это говорят по-белорусски). А во второй половине XIX века им начинают объяснять, что они часть нации. Нация формируется через призыв в армию, всеобщее начальное образование, где детям объясняют: это наш национальный язык, наша история, наша литература, это светоч нашей литературы. Во всех столицах Восточной Европы на главной площади ставятся памятники поэтам — Адаму Мицкевичу, Тарасу Шевченко, Шандору Петефи, а в Ереване соответственно Хачатуру Абовяну. И третье — национальный культ. Культ флага, жертвенности, войны — люди должны испытывать очень сильные эмоции. Сегодня в некоторых странах это футбольный культ. Посмотрите, как в XIX веке абсолютные монархии, которым теперь повсюду грозит революция, постепенно делаются национальными и либеральными. Австро-Венгрии, России и Османской империи это явно не удалось — они были слишком разношерстны и в целом бедны. Но поглядите, когда и в ответ на что возникает девиз “За Англию и королеву Викторию”. В Англии это сработало — когда у вас много денег, много колоний, нетрудно предложить много хороших карьер на военной и колониальной службе, которые ведут к повышениям, высоким зарплатам, почетной отставке. Советский Союз сделал, в общем-то, то же самое после Второй мировой войны. Ты просто знал, куда надо поступить, сколько надо потерпеть и потрудиться, но через двадцать пять лет ты выходишь в отставку, у тебя есть почет, уважение, есть скромные средства к существованию. И это тебе обеспечивают организации с четко обозначенной национальной символикой — армия, национальная система образования. Вот так везде возникает национализм. Потом появляется вопрос: а у вьетнамцев есть национализм? Они — часть французского Индокитая. А у словаков, у белорусов? Тут появляются вторичные национализмы. Армянский национализм формируется в то же самое время — во второй половине XIX века... Мы постоянно занимаемся бесконечными дебатами по поводу ложного выбора, эдакой интеллектуальной игрой. Либеральный или нелиберальный выбор... Либерализм и национализм — это прежде всего две идеологии буржуазии Запада XVIII века, которые потом распространяются на народные низы — тогдашних ремесленников, рабочих-

поденщиков. Это идеология допуска к власти состоятельных людей, которые не имели на это наследственного права. К нам сегодня это имеет, честно говоря, очень отдаленное отношение, эта коллизия была разрешена еще в XIX веке.

Советский Союз был именно диктатурой развития. В СССР все силы были подчинены единственной цели — созданию военно-промышленного комплекса. Это было средством устоять в новой мировой войне. Ужас в том, что Сталин доказал себя, добившись выживания в мировой танковой войне. Возможно, проживи Ленин еще лет двадцать, та же самая задача решалась бы без сталинской сверхподозрительности бывшего подпольщика и революционного террориста. Но не думаю, что намного гуманнее по отношению к крестьянству, да и остальному населению. Гигантские исторические стройки до недавних пор всегда стоили множества жизней. Сколько крестьян погибло на петровской постройке Петербурга? Французы и англичане в 1860-е годы положили на строительстве Суэцкого канала 200 тыс. египетских феллахов, американцы при рытье Панамского канала потеряли в десять раз меньше, но все равно 20 тыс. человек. В том и ужас, потому что если думать всерьез, то существенно более гуманной альтернативы советскому принудительному труду и героизму 1930-1940-х годов не находится. Допускаю, учитывая рациональный характер Ленина, можно было бы спасти миллионы, но при любом правителе и режиме такая индустриализация и такая война все равно бы сделали советские потери миллионными.

Весь оставшийся послевоенный период Советский Союз пытался как-то выйти из победоносной индустриальной диктатуры, перейти на мирные рельсы и при этом не утратить темп. Это, как известно, так и не удалось. Восстание, которое мы называем перестройкой, изначально было результатом фракционной борьбы в верхних слоях, в Политбюро, когда группировке, которая пыталась, по сути, перевести страну на капиталистические рельсы и встроить ее в устойчивое “международное сотрудничество” с Европой, не удавалось преодолеть сопротивление военно-промышленного комплекса и идеологически консервативной части Политбюро. Тогда они косвенно, но очень эффективно начали поощрять так называемую гласность — выражение всевозможного несогласия “низов” с политикой “коммунистического боярства”. Армянское карабахское движение — непредвиденная локальная часть этой кампании по уничтожению среднего и верхнего звеньев коммунистического и военного аппаратов. Взрыв не удалось сделать направленным, что в истории случается нередко. Общество — слишком сложная система, чтобы вполне исполнять чьи-либо интриги и тайные планы. История полна непредвиденных результатов...

Задумываясь об альтернативах в истории, видишь, что их нет или они довольно чудовищны. Что могло быть в России после 1917 года? Если не большевики, то правая диктатура. Пришел бы какой-нибудь генерал, как это было тогда во многих странах мира — Хорти, Маннергейм, Франко, Пилсудский. Поскольку в России противоречия были

намного более острыми, скорее всего, военная диктатура далее трансформировалась бы в фашизм. Почти вся Европа в первой половине XX века прошла через диктатуры с массовой мобилизационной поддержкой. Даже Вишистская Франция становится искренне фашистской. Сами французы стараются об этом забыть, но энтузиазм по поводу маршала Петэна был массовым. Казалось, что это решает проблему. Российская империя, которая была на 80% неграмотной, в 1957 году запускает спутник. Цена за ускоренную модернизацию была чрезмерной, ее обусловило сочетание нескольких факторов. Большевикам в гражданской войне удалось создать гораздо более эффективное государство. Вообще, коммунисты оказались очень большими государственниками. Именно потому, что у них была партия, была идеология. Царская администрация, по большому счету, в деревнях отсутствовала. Наезжали какой-нибудь становой, помещик, и был батюшка при церкви. Большевики сумели повсюду насадить сельсоветы, колхозы, школы, медпункты, военкоматы, прописку. Земские учреждения в царской России, конечно, шли в этом направлении. Как очень часто бывает, революции не столько ломают, сколько ускоряют прежнее движение, уничтожая ограничители. Великий французский политолог XIX века Алексис де Токвиль в 1850-е годы рассуждает о Французской революции, от которой пострадала и его дворянская семья: если взять точки за двадцать лет до и после революции и провести между ними прямую линию, вы, возможно, и не поймете, что произошла революция. Просто продолжалась линия, начатая еще при Людовике XIV его великим министром Кольбером. Линия на централизацию власти, назначение префектов во все провинции, которыми раньше управляли местные потомственные нотабле — они собирали налоги, вершили правосудие по своему усмотрению, Париж в это очень мало мог вмешиваться. Центр при Кольбере натолкнулся на сопротивление дворянства, которое продолжалось почти сто лет. Революция сломала это сопротивление, на руинах очень быстро был построен новый аппарат наполеоновской власти. И когда Наполеон уходит, власть остается: Кодекс Наполеона, военный призыв, единообразие мер и весов, французская бюрократия. Это именно то, о чем мечтал Кольбер в 1660-х годах.

То же самое со сталинизмом. Сталин — это не освобождение рабочих и крестьян, а прямое продолжение реформ Сергея Юльевича Витте, но крайними методами революционного терроризма. Витте начал индустриализацию, платить за которую приходилось крестьянству и, отчасти, помещикам. Но оба класса оказали политическое сопротивление, что испугало царя, который предпочел пассивность. Возникла патовая ситуация, и царская власть не смогла ее разрешить. Ситуация закончилась колоссальным развалом под ударами германской военной машины, и на этих руинах появляется новая, большевистская, власть, которая полна решимости, но на самом деле не знает, что делать — Маркс ведь плана не оставил. Большевики в ситуации цейтнота начинают перенимать военную и экономическую организации у самого передового противника — кайзеровской Германии. Продразверстку, между прочим, первыми применили немцы и австрияки, и подобные планы на случай войны существовали в столыпинском Министерстве сельского

хозяйства, но их не решились или не смогли применить ни царское, ни Временное правительство. И вот в 1930 году проникательные Бердяев и Георгий Федотов пишут из эмиграции в Париже о первой пятилетке: мы-то думали, что это дьявол, а оказывается, что Сталин — это просто-напросто Витте сегодня. Сталин проводил за счет экспроприации крестьянства по сути ту же самую политику заимствования иностранных технологий и создания индустриальной базы. Как и Витте, он остро чувствовал геополитическую опасность. Но у Сталина были власть и аппарат, которых не было у Витте. И не было моральных ограничений в применении террора, поскольку большевики вышли из Гражданской войны и действовали ради сверхидеи... Если бы, как предполагалось в 1989 году, Советский Союз смог войти в качестве равного партнера в Европу, выглядела бы эта траектория совсем не напрасной. Слаборазвитая царская империя чудовищным скачком была превращена в военно-индустриальную державу, которая выдержала борьбу с Третьим рейхом и затем достигла паритета с самой Америкой. В конечном итоге советская диктатура развития разменяла бы этот паритет и устаревшую революционную идеологию на этакую вечную разрядку напряженности в отношениях с ФРГ и Францией, сумела бы войти в круг европейских стран. Сегодня мы бы имели расширенный Евросоюз, в который входил бы все еще управляемый Горбачевым полуавторитарный Советский Союз. Тогда бы мы говорили совсем о другом — о том, что этот разгон ценой огромных потерь привел к огромным историческим завоеваниям.

Был совершен разбег, но мы не взяли препятствие — упали, разбились вдребезги. И почти вернулись к состоянию до 1917 года и даже хуже, потому что в 1917 году была динамически развивавшаяся Российская империя, хотя и с относительно слабым госаппаратом. Если говорить о том, осталось ли от СССР в Закавказье и Средней Азии позитивное наследие — сохраняются эти республики, есть еще какое-то образованное население. Государства Закавказья и даже Средней Азии принадлежат к ОБСЕ и формально считаются частью какой-то Европы. Но это наследие подвержено очень быстрой эрозии. Думаю, в течение жизни следующего поколения при сохранении тех же темпов эрозии, скорее всего, все это будет окончательно утрачено, и можно будет говорить, что XX век прошел совершенно впустую.

Почему успешные модели других малых стран Азии не могут заработать в постсоветских государствах Закавказья и Средней Азии? Обычно винят “разруху в головах”, как писал в свое время Булгаков. Но возьмем Тайвань. Там, во-первых, население было необразованным и бедным, люди могли за копейки работать, изготавливая зонтики или пришивая пуговицы. Это преимущество — у нас такого населения уже не найдете. Образование нашего населения на самом деле — проблема, с точки зрения рыночной экономики — даже недостаток. Кроме того, население у нас слишком стареющее. Когда в 2005 году произошла “оранжевая революция” на Украине, здесь, в США, был один из довольно крупных деятелей Евросоюза, который знает ситуацию изнутри. Я спросил его

приватно: “Ну, как быстро теперь примете Украину в Евросоюз?” Он ответил с потрясающей откровенностью: “Никогда. У Украины проблемы еще хуже, чем у нас — стареющее, слишком образованное население и огромная экологически вредная промышленная база, от которой невозможно легко избавиться. Нам скорее нужна Турция с молодым, малообразованным и готовым к черной работе населением, которое будет оплачивать из своих налогов пенсии нашим пенсионерам. Но, увы, Турцию мы не можем принять из-за сопротивления собственных избирателей”.

Второе главное преимущество Тайваня — американский протекторат. Проигрывая войну во Вьетнаме, американцам отчаянно важно было не потерять Тайвань и Южную Корею. Эти страны надо было поставить на ноги. Их и поставили, причем самым эффективным путем. Им не только дали деньги, главное — им открыли доступ на американский рынок. Тайванем в то время правили те же самые гоминдановские генералы, которым американцы дали огромные деньги во время гражданской войны в материковом Китае. Между 1945 и 1949 годами Гоминдан получил только прямых вливаний на сумму около четырех миллиардов долларов того времени. И они ушли как в песок. Понимая, что проигрывают войну коммунистам, генералы просто разворовали американскую помощь.

...Та же самая ситуация со странами Восточной Европы, которые получили приглашение в Евросоюз. Неужели полякам не обидно видеть, что Львов и Вильно Сталин у них отобрал и присоединил к другим странам? Или посмотрите на дискриминацию венгерского меньшинства в Румынии. И тем не менее Венгрия не стала начинать конфликт за Трансильванию. Элитам этих стран четко объяснили: если вы сохраняете мир и спокойствие, есть довольно хорошая перспектива попасть в Европу, где вы будете периферийной, зависимой, но частью Европы. Я спросил одного словацкого экономиста, что сегодня представляет собой их страна. Он с готовностью ответил: “Мы хоздвор Германии. Однако хоздвор все-таки Германии”. Армения, Грузия, в значительной степени Азербайджан никому не нужны. Великая Роза Люксембург когда-то говорила: хуже капиталистической эксплуатации, когда вас не хотят эксплуатировать. Любая элита в той или иной пропорции честолюбива и корыстна. Но люди идут ко власти и привилегиям теми путями, которые представляются более легкими, безопасными и которые им просто доступны. Если вам недоступны внешние рынки, гораздо проще присвоить какую-нибудь помощь либо что-то импортировать или перепродавать. Что собственно и происходит. Мы, к сожалению, видим то, что вполне предсказуемо. Изменить это можно, хотя и очень трудно. Первый шаг к тому, чтобы что-то менять — это рационально понять, что же происходит на самом деле. Это не “разруха в головах”. “Разруха в головах” — это проповедь в духе “осознай себя”. Никогда в истории это не работало. Надо менять систему стимулов, а они меняются только политически.

...Действующая бюрократия налаживается властью, которой нужны рациональные и инициативные исполнители. Такое обычно случается во время войн. Армения в начале 1990-х годов двигалась в этом направлении. Война вынудила самоорганизовываться и создавать реальную армию. Сейчас я, честно сказать, не знаю, что происходит с

армянской армией и госаппаратом. Но мне кажется, все равно есть понимание, что этой армии предстоит всерьез воевать. И она будет нуждаться в мощном тыловом обеспечении: это экономика, хозяйство, это государство, которое может собирать налоги и не допустить их разворовывания. Все это начало формироваться, но совершенно очевидно, что многим это не понравилось. Не понравилось людям, за которыми стоят мелкие, в сравнении с национальными, коррупционные интересы. Это не “разруха в головах”, это тоже такая вот организация власти, из которой очень трудно и редко кому удается выйти. СССР, Япония, Корея — исключение. Правило в нашем мире — Пакистан, Нигерия, Колумбия. И в этом, кстати, пессимизм социологии.

Ко мне, как к врачу, все время обращаются за рецептами, которые я уклоняюсь выдавать. Но есть много людей, готовых давать такие рецепты. Это, как правило, заклинания типа “Начни изменения с себя”, “Проникнись духом”. Я как-то не верю в примат идеологии. Люди выбирают идеологию так, чтобы она соответствовала их образу жизни. А вот менять образ жизни исключительно тяжело. Это либо форс-мажор, в котором можно и не выжить, либо удачное сочетание внешних условий. Тайваню, например, повезло, потому что он имел особое значение для США. Мексика или Гватемала тоже имели для США значение, но гораздо меньшее. Там экономический успех не требовался. Зато требовался в Германии и Японии. И американцы сумели его добиться. Когда я своим студентам рассказываю об этом, я спрашиваю: вы когда-нибудь видели автомобиль “Пежо” в Америке? А вы не задавались вопросом, почему французский автопром абсолютно не представлен на американском рынке. Теперь давайте задумаемся о том, какой была самая знаменитая модель “Порше” до 1945 года. Это был не автомобиль, это был танк, который назывался “Тигр”. Кто производил немецкие подводные лодки? Компания “БМВ”. Как назывался японский торпедоносец, который напал на Перл-Харбор? Он назывался “Мицубиси”. Давайте подумаем, почему военно-промышленный комплекс Японии и Германии в такой степени представлен на американском рынке? Почему при этом нет британского автопрома? Британский автопром практически умер. Французский как-то держится государственными вливаниями. А вот германский и японский пошли вверх, потому что американцы понимали: нельзя допустить, чтобы побежденный враг тебя ненавидел, иначе ты постоянно должен будешь его держать и душить. Врага надо превратить в друга, союзника, который не может помыслить себя без твоей опеки и помощи”. Смотрите, даже 60 лет спустя и Япония, и Германия частично остаются под американской оккупацией. В обмен на военные базы они имеют допуск к самому большому потребительскому рынку мира — рынку Соединенных Штатов. Эти реалии нужно понимать — интеллигенция вообще очень склонна к морализаторству, но в наших внутренних дебатах важно не упускать такие грубые реалии власти и собственности, существующие в капиталистическом мире. Капитализм существует ради прибыли, которая обеспечивается разными способами. Иногда грабежом, иногда удачными инвестициями на рынке. Выбирают то, что безопасней и легче. Вот институты государственной власти как раз призваны сделать выбор неграбительский более

рациональным,

Важно понимать, что в истории есть хоть и ограниченное, но все же пространство для маневра. История больше похожа не на шахматы, а на нарды. Многое зависит от того, как зар выпадет. И тем не менее можно сыграть лучше или хуже. Задача исследователя — подсказывать, в какую сторону сыграть лучше. Страшновато, конечно. Настоящий ученый, наверное, всегда испытывает сомнения. И все-таки надо говорить публично, в этом наша польза.

Надо проговаривать, но ответственно, отвечая за свои слова — какие есть возможные опасности, какие варианты возможного будущего. Надо рассказывать людям, как устроен остальной мир. В Армении, как и во многих малых странах, представления об остальном мире очень мифологичны, и самая мифологизированная для нас страна — конечно, Турция. Немного людей представляют, какие там разные слои общества, какие внутренние конфликты. Очень мало людей представляют, как работает Америка и как вырабатывается ее политический курс. Об этом надо писать. Я вообще очень ценю конкретные книги, о том, как работает та или иная система общества. Это полезное общественное знание. Бесплезное знание — это морализаторские призывы, своего рода проповеди, предназначенные в основном для повышения статуса проповедующего.

Последнее обновление (16.07.11 11:08)

http://www.nv.am/index.php?option=com_content&view=article&id=13969:2011-07-16-07-06-44&catid=6:2009-06-06-11-26-42&Itemid=9